

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ШУТА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Орлова С.М.

студент 5 курса

ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ

г. Мичуринск, Россия

Попова И.В.

к. ф. н., доцент кафедры

социально-гуманитарных дисциплин

Социально-педагогический институт

ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В данной статье мы исследуем трансформацию образа шута в английской литературе. Кроме того, проводим многоаспектный анализ компонентов смеховой культуры, входящих в пространство художественного текста драматических произведений эпохи Средних веков и Возрождения.

Ключевые слова: трансформация, образ шута, смеховые компоненты, драматическое произведение, художественное пространство.

Попова И. В. popovai1964@yandex.ru

Орлова С. М. sveta.orlova72@mail.ru

Анализ работ по данной теме позволяет сделать вывод о том, образ шута как персонажа художественной литературы и как персонажа социального института уходит своими корнями в эпоху античности. В литературных и философских произведениях этой эпохи можно встретить первые упоминания о шуте.

Конечно, образ шута в эпоху античности был более схематичен, чем тот шут, о котором мы имеем представление теперь. Шут эпохи античности был тесно связан с таким понятием как «жанр мима», который, несмотря на то, какую роль он выполнял, (литературный диалог, балаганное зрелище или сценка) неразрывно был связан с философией античности.

В качестве одной из основных особенностей античного мима О. М. Фрейденберг выделяет общность объекта и форм античной философии и античного мима. «В нём [миме] поражает появление полной аналогии к таким формам, которые встречаются в античной философии или даже в античной мистерии. Чудеса, свет истины и призрачность мнимого подобия истины – вот круг образов, одинаково ставших объектом «показа» в таинствах и в миме, объектом теории в философии» [1, с. 266].

Таким образом, именно шутам в балагане отводилась роль философов, а это позволяет говорить о том, что шута можно считать еще и эквивалентом философов античной эпохи. Философ всегда был задействован только в высоких жанрах. Поэтому вполне возможно, что шут пародировал и философов.

Конечно, роль шута в том или ином балагане вовсе не сводилась только в пародии на мыслителей античности. Шут – это самостоятельный образ, он всегда очень сложный и ёмкий.

Образ шута можно было видеть не только в балаганных представлениях, но и в художественных произведённых. Причем изображался он как раб-философ или раб, творящий чудеса. Кроме того, это позволяет

предположить, что возможно с шутовством связывали и античную софистику.

Такие термины как «мим» и «софист» стали синонимами. Софисты также, как и шуты декламировали, нищенствовали и почти всегда занимались этологией.

Образ шута можно было встретить и в Древнем Риме. Его было принято называть тогда параситом. Эти шуты не имели своего дома, и поэтому они всегда были приживалами. Историки довольно часто приводят легенду о том, как шут по имени Габба стал шутом при вздоре римского императора Августа. Но это – всего лишь исключение из правил. Самое большое чего мог достигнуть шут своей угодливостью – это только приглашения к столу, да и то потому, что их шутки оживляли пиршество.

Как отмечают исследователи, своего ума и острословия ни у римских шутов, ни у греческих не хватало, поэтому они бродили по улицам и собирали остроумные изречения или анекдоты. Например, в комедии римского поэта Плавта мы видим шута, который читает свои записи, чтобы победить соперников.

Чуть позже упоминание о шуте мы находим в работах Сократа. Интересен тот факт, что и самого Сократа нередко называли «реальным философом», «философским мимом» и «шутом». В более поздних источниках о Сократе тоже говорится достаточно противоречиво: одни считали его образцом античной мудрости, другие же называли его плутом и обманщиком. Возможно, это происходило в силу того, что в комедии сочетались эти столь различные жанры.

В эпоху Средневековья и раннего Возрождения фигура шута снова выходит на литературную арену. Описание как домашних, так и придворных шутов можно встретить во многих художественных произведениях. К шутам теперь причислялись и веселые бродяги, которые могли потешать неприхотливую публику.

Например, многие художественные источники называют Тилья Эйленшпигеля. Его шутки впервые были внесены в немецкую народную книгу в конце XVI века. Конечно, каждый понимал, что Тиль – это фигура собирательная и ей были приписаны народом самые различные случаи озорства.

В средневековой Англии похожей фигурой был Робин Добрый Малый, который тоже прославился своими шутками, опубликованными в конце XVII столетия. Робин – это сын крестьянки и волшебника. Он живет весело и беспечно. Его совершенно не интересует работа. Он предпочитает только одно – беспокоить людей своими шутками. В этом плане он уподобляется римскому паразиту. Потом он вспоминает о своем сверхъестественном происхождении и настойчиво пытается оправдать его.

Благодаря волшебной силе, которая позволяет ему преображаться, он начинает совершать добрые дела: помогает двум влюбленным, выполняет довольно тяжелую работу за женщин. Не забывает он и о проказах, но к ним он прибегает только с одной целью: наказать не совсем честных людей или же тех, кто позволил себе обидеть его.

Кроме того, он – замечательный мастер всевозможных безобидных шуток, которыми он веселит и себя, и окружающих. Еще до того, как появилось собрание всех историй о Робине Добром Малом, он жил не только в устных преданиях. М.М. Бахтин отмечает, что «... в «Тарлтоновых новостях из чистилища» (1588) говорится о том, что проделки Робина Доброго Малого «упоминаются во всяких бабьих сказках», тогда как Томас Нэш в «Ночных ужасах» (1594) особо подчеркивает, что этот дух вместе с эльфами и прочей чертовщиной действует преимущественно по ночам. Сам Робин принадлежит к «чертовскому отродью», засвидетельствовано Шекспиром, который дал ему второе имя – Пэк, в просторечье означавшее «чертенок» [2, с. 345].

У. Шекспир тоже придерживается народной традиции и поэтому характеризует его следующим образом:

Ну да, я – Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шальный.
В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица, то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы – скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну – тррах! – тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопааясь от смеха... [3, 56]

В комедии У. Шекспира Робин является придворным шутком Оберона – известного короля эльфов.

Если в эпоху позднего Средневековья каждый монарх обязан был иметь только одного придворного шута, то эпоха Возрождения предписывала иметь несколько придворных шутов.

В эпоху Средневековья и Возрождения шуты выполняли роль не только потешников. Они могли нарушить даже правила придворного этикета, могли шутить не только над придворными, но и над самим королем.

Это поведение шутов было вполне объяснимо: как правило их брали для потехи. Это были или идиоты, или физические уроды. А к таким людям никто и никогда не относился серьезно, поэтому они могли смело говорить что угодно и когда угодно. Французы звали такого шута – sot, немцы – Narr, англичане – fool, все эти три слова по-русски означают – дурак.

Но времена менялись, и теперь в так называемые «дураки» шли довольно неглупые люди. Шут теперь уже не естественный дурак, а наигранный, показной, т.е. теперь он просто играет роль дурака. Именно

такого шута У. Шекспир показал в комедии «Двенадцатая ночь» Виола говорит о нем следующее:

Он хорошо играет дурака.
Такую роль глупец не одолеет,
Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,
И разбираться в нравах и привычках,
И на лету хватать, как дикий сокол,
Свою добычу. Нужно много сметки,
Чтобы искусством этим овладеть.
Такой дурак и с мудрецом поспорит,
А глупый умник лишь себя позорит [3, с. 270]

О домашнем шуте того времени или о придворном можно сказать, что это был театр одного актера. Шут должен уметь делать многое: плясать, петь, заниматься акробатикой, быть замечательным импровизатором.

С течением времени изменился и внешний облик шута. Наряд шута стал однотипным для всей Западной Европы.

В эпоху античности шут обязан был брить голов. Этот обычай переняла и эпоха Средних веков, и эпоха Возрождения. С. Алтардо, например, полагал, что шуты могли брить голову, чтобы посмеяться над церковнослужителям [4, с. 171]. Например, пьеса Марстона «Парасит» (1604) свидетельствует о том, что в эпоху Возрождения шуты с бритыми головами довольно часто встречались на сцене театров. Среди действующих лиц пьесы можно видеть лысого шута Дондоло.

Шутовской капюшона довольно сильно напоминал капюшон монахов. Но в отличие от монахов капюшон имел длинные уши и обязательные бубенцы. Реже встречались колпаки, которые походили на петушиные гребни. Гораздо позже колпак полностью трансформировался в петушиную голову.

В эпоху Возрождения шут был обязан носить еще и лисий хвост. Платье шута напоминало своеобразный балахон, который закрывал даже ноги.

Платье, как правило, шили из лоскутков разного цвета. Типичным являлся, по-видимому, наряд, описанный Г. Брандесом: «Костюм был сшит из саржи и состоял из полос, наполовину зеленых, наполовину желтых; на желтых полосах были зеленые позументы, а на зеленых – желтые, между полосами – также желтая и зеленая тафта, вшитая между упомянутыми полосами и позументами.

Чулки, пришитые к штанам, были: один – целиком из зеленой саржи, а другой – из желтой. Кроме того, имелась шапка с ушами, тоже наполовину желтая, наполовину зеленая» [5 с. 99]. С. Мельникова отмечает, что довольно популярным среди шутов был и красный цвет [6, с. 10].

Яркие цвета одежды как, правило, были у сумасшедших, которые обязаны ходить в желтых платьях. По той причине, что первые шуты были действительно идиотами, то и им предписывалось иметь платье именно такого цвета.

Жезл – это тоже своего рода неизменная принадлежность шута. Сначала шут использовал просто палку, а затем это стал настоящий жезл, который украшала голова шута в колпаке. Жезл выполнял символическую роль скипетра, который ассоциировался с властью над тем, кто в силу своей глупости становился его подданным.

Основная задача любого шута – доказать, что даже высокопоставленные лица тоже являются в какой-то мере дураками. Поэтому нет ничего необычного в том, что Фесте из комедии У. Шекспира обращается к шутовской традиции, чтобы доказать своей госпоже, что она просто дура. Оливия, так же, следуя традиции, вовсе не обижается на него и говорит при этом: «домашний шут не может оскорбить, даже если он над всем издевается» [3, с. 24].

Практически то же самое королю Лиру говорит его шут: «Из тебя вышел бы хороший шут» [4, с. 56], думается, что он хотел сказать точнее – дурак. Возможно, понимая подлинность слов своего шута, король не берет плеть, хотя обещает его отхлестать, а продолжает слушать его. Не спроста же

говорят, что в каждой шутке довольно много правды. Гонерилья тоже называет любимца своего отца «шутком, которому все дозволено» [3, с. 64].

Выражая желание стать шутком, Жак, наверное, в первую очередь имел ввиду право каждого шута на насмешку. Ему вовсе не важно, какой на нем наряд, лишь бы

...дали мне притом
Свободу, чтоб я мог, как вольный ветер,
Дуть на кого хочу – как все шуты,
А те, кого сильнее я царапну,
Пускай сильней смеются [3, с. 277].

В некоторых странах шута называли Пороком. Внешне он был похож на обыкновенного шута: он должен иметь палку, нелепый колпак с головой петуха и бубенцами, петушиный гребень. Но от шута его отличал кожаный меч, на котором были зазубрины.

Образы шутов, которых мы можем видеть в комедиях У. Шекспира, вовсе далеки от театральной условности. Они, как заметил В.Я. Пропп, «...списаны с действительности. Основатель династии Тюдоров Генрих VII имел шутовской штат из трех человек, которых звали: Фип, мистер Мартин и мистер Джон. Мистер Мартин остался у Генриха VIII, у которого двадцать лет спустя появились еще два шута – Секстон и Патч» [7, с. 88].

Наиболее прославленный из английских королевских шутов – Уил Сомерс – даже удостоился биографии: «Приятная история жизни и смерти Уила Сомерса. Как он стал впервые известен при дворе, и каким образом он стал шутком короля Генриха VIII» [1, с. 72]. Как отмечают исследователи творчества Шекспира, анекдоты, которые слагали всевозможные истории, не всегда были достоверны.

Чуть позже к образу шута обратится в своих произведениях, и английский драматург У. Шекспир. В творчестве У. Шекспира довольно много произведений, в которых шут является чуть ли не главным персонажем.

К таким произведениям можно отнести: «Отелло» (шут), «Отелло» (шут), «Конец – делу венец» (шут), «Конец – делу венец» (шут), «Король Лир» (шут), «Король Лир» (шут).

В творчестве У. Шекспира комические персонажи обретают жизненную правдивость, позволяя сохранить всю особенность того или иного типажа. В связи с этим можно уже говорить о многосторонности образа, и поэтому совершенно невозможно дать этому образу краткую характеристику.

Список литературы

1. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Искусство, 1978. – 605 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Вильяма Шекспира и народная культура средневековья. – М.: Художественная литература, 1985. – 525 с.
3. Шекспир У. Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. – М.: Худож. лит. – 1987.
4. Агтардо С. Миф о непреднамеренном юморе. – М.: Флинта, 2007. – 288 с.
5. Брандес Г. Шекспир, его жизнь и произведения. – М.: Академия, 1998. – 326 с.
6. Мельникова С. Театральные парадоксы «Ричарда III». – М.: Наука, 1987. – 298 с.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 2002. – 192 с.

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF JESTER IN ENGLISH LITERATURE

Orlova S. M.

5th year student

Michurinsk State Agrarian University,

Michurinsk, Russia

Popova I. V.

Ph. D., associate Professor

social and humanitarian disciplines

Social and pedagogical Institute

Michurinsk State Agrarian University,

Michurinsk, Russia

Annotation. In this article we investigate the transformation of the image of the jester in English literature. In addition, we conduct a multi-dimensional analysis of the components of the laugh culture that are included in the space of art text of dramatic works of the middle ages and the Renaissance.

Key words: transformation, image of a jester, laughable components, dramatic work, artistic space.